

пучок проблем, решить это невозможно. Речь идет о поле, в котором проговаривается *инициатива субъектов*, о связях и правилах, которые ею используются, т.е. выявляются дискурсивные практики в их сложности и толще. Задача простая — показать, что изменения в порядке дискурса ведут к преобразованиям в практике, а дискурс является сложной и дифференцированной практикой.

А. И. Бродский, А. В. Малинов

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ И НЕАКАДЕМИЧЕСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ В РОССИИ
ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Различные подходы к осмыслению истории, рассмотрение прошлого с точки зрения религиозных, политических и философских идей можно встретить и в русском средневековье, и в XVIII в. Однако специфически философский подход к истории начинает проявляться только в XVIII в., а сочинения по философии истории в строгом смысле слова появляются лишь в XIX в. В конце XIX — начале XX в. в русской философии истории достаточно четко выделились два направления, которые, с известной долей условности, можно обозначить как *историософское* (В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, С. Н. и Е. Н. Трубецкие, Д. С. Мережковский, Вяч. Иванов и др.) и *академическое* (А. С. Лаппо-Данилевский, Н. И. Кареев, Р. Ю. Виппер, Б. Н. Чичерин, В. О. Ключевский, П. Н. Милоков, П. М. Бидилли, П. Г. Виноградов, И. М. Гревс, Д. М. Петрушевский, В. И. Герье, М. М. Хвостов и В. М. Хвостов). Для первого направления было характерно религиозно-проphetическое восприятие истории и поиск некоего объективного и предопределенного смысла исторических событий. Второе направление было ориентировано прежде всего на разработку методологических и эпистемологических вопросов исторической науки, а также на создание рациональной концепции исторического процесса.

Разумеется, каждое из этих направлений включало в себя весьма различные, часто несовместимые, философские концепции. Однако, на определенном уровне абстрагирования, нельзя не увидеть типологическое сходство теоретических, методологи-

ческих и прагматических установок этих концепций, позволяющих произвести обозначенную выше дихотомию.

С *формальной точки зрения* два этих направления различались между собой тем, что первое объединяло философов, не связанных задачами университетского преподавания и относившихся к своей деятельности как к свободному литературному творчеству; второе же состояло в основном из университетской профессуры и возникло с началом преподавания философии, методологии и теории истории в российских университетах.

Эти формальные различия определили и различия на *прагматическом уровне*, так как ставили перед мыслителями различные задачи. Если представители историософского направления видели цель своей деятельности в том, чтобы, влияя на массовое сознание, определять основные духовные и идеологические тенденции в обществе, то представители академической науки имели куда более скромную задачу: подготовить ученых-специалистов, способных плодотворно работать в различных областях исторического знания. Иными словами, первое направление было ориентировано на *культуру*, второе — на *науку*.

Прагматические различия определили и различия на *содержательном уровне*. Эти содержательные различия обнаруживаются прежде всего в выборе *философских оснований*.

Парадигматической основой историософского направления является, конечно, религия, или, вернее, тот ее аспект, который утверждает попечительное вмешательство в историю высшей силы, изгоняющей из жизни случайность и предопределяющей ход исторических перемен. Историческая закономерность принимает здесь вид смысловой предзаданности, а вопрос о законах истории подменяется поисками ее "смысла".

Парадигматическая основа академического направления восходит к кантианству или позитивизму, т.е. к двум философским учениям, которые объединяет четкое различие теоретического разума, описывающего или объясняющего ценностно-нейтральный мир фактов, и разума практического, определяющего смыслы и ценности человеческой жизни. Здесь история рассматривается как наука, выявляющая некоторые закономерности в потоке бесконечно разнообразных фактов и не претендующая ни на пророческое постижение будущего, ни на телеологическое определение смысла человеческого существования.

Наконец, различия в философских основаниях определили различия в исходных *методологических принципах*. Представители историософского направления так или иначе опирались на вос-

ходящую к Гегелю *логико-телеологическую модель* описания истории, в которой причина и следствие связаны между собой как antecedent с consequentом и в которой каждое новое историческое состояние может и должно быть выведено из предыдущего с логической необходимостью. Представители академического направления опирались в основном на восходящую к науке Нового времени *каузальную модель*, в которой причина и следствие не связаны между собой какими-либо логическими отношениями.

В связи со всем указанным хотелось бы высказать еще одно важное соображение. Большинство историков философии сходятся в том, что основной характеристикой чертой русской философии является так называемый *онтологизм*. Определения этого термина довольно разнообразны. В. В. Зеньковский, например, понимал под онтологизмом включенность познания в наше отношение к миру и "действие" в нем¹. Согласно С. Л. Франку, онтологизм – это утверждение бытия в качестве единства, возвышающегося над противоположностью субъекта и объекта². В. Ф. Эрн и А. Ф. Лосев определяли онтологизм как опору не на человеческое ratio, а на объективный Логос³. А Н. П. Полторацкий видел в онтологизме прежде всего отрицание дуализма бытия и культуры⁴. Однако за всем этим многообразием определений стоит одна общая интенция: в каждом случае речь идет о преодолении дуализма практического и теоретического разума, об отрицании автономии субъективного мира личности, о своеобразном стремлении избавиться от собственной субъективности.

Онтологизм тесно связан с другой характерной особенностью русской философии – с ее морально-практической ориентацией. Под последней обычно подразумевают стремление русских мыслителей найти четкие нормативные принципы как личной, так и общественной жизни, а также тенденцию непосредственно переводить самые отвлеченные философские построения в план практической этики. Морально-практическая ориентация означает своеобразную претензию философии на создание твердых и несомненных оснований для мировоззрения и деятельности. Твердые основания для мировоззрения и деятельности, в свою очередь, предполагают существование неких объективных, не зависящих от человека ценностей и целей. А существование объективных ценностей и целей, в свою очередь, предполагает мнимость как дуализма субъективного и объективного, так и дуализма практического и теоретического разума, что и составляет сущность философского онтологизма.

Однако, говоря о философии истории, следует заметить, что все эти характеристики русской философской мысли применимы лишь к ее историософскому направлению. Не случайно философы, которые рассуждали об онтологизме, сами являлись типичными "историософами". К академической философии истории онтологизм не имеет никакого отношения. Напротив, ее можно рассматривать как антионтологическую линию в русской мысли, т.е. ту линию, которая, проводя демаркацию между миром фактов и миром ценностей, сохраняет за человеком свободу нравственного самоопределения. Не случайно, представители академического направления симпатизировали субъективной школе в социологии, а, например, Н. И. Кареев открыто пропагандировал ее основные положения.

Итак, есть все основания выделять академическую философию истории в особое направление русской философской мысли. Это направление сформировало традицию изучения теоретико-методологических проблем истории, распавшуюся на ряд научных школ. Не случайно поэтому, что и в советское время ученые, не "заиклившись" на также в значительной степени историософской методологии исторического материализма, обращались к дореволюционным историкам-теоретикам, находя у них научные методы изучения таких проблем, как историческая закономерность и причинность, роль личности в истории, способы исторического построения и т.п. Проблемы теории и методологии истории, сформулированные в рамках университетской философии истории, до сих пор занимают философствующих историков, вынужденных возвращаться к историографическим истокам традиции в ее "классической" форме.

Однако эта традиция породила и свой специфический круг неразрешимых проблем, которые перед историософской традицией не вставали в принципе. Важнейшая из них — это проблема исторической закономерности.

Во вступительной лекции к курсу новой истории в университете св. Владимира 18 октября 1874 г. И. В. Лучицкий, давая общий диагноз состояния современной науки об обществе, возможность которой он видел прежде всего в признании законосообразности социальных явлений, утверждал: "Чем более мы приближаемся к нашему времени, тем все яснее и яснее мы замечаем, как крепнет и растет убеждение в законосообразности общественных явлений. Как часто ни разнообразны и ни противоречивы моральные и философские мнения исследователей, — все они допускают, как аксиому, и возможность существования

науки, и существование законов истории, в развитии и строе человечества"⁵. Быть наукой означает ориентироваться на идеал научности, сложившийся в естествознании. Наука раскрывает законы явлений, значит, и история должна каким-то образом иметь отношение к общей закономерности сущего. На чем будет основываться историческая закономерность — на причинно-следственной взаимозависимости всего существующего или на единстве человеческого опыта, обобщающего повторяющиеся явления, — зависит от исследовательской позиции. В любом случае философия истории не может пройти мимо идеи закономерности. "История, — констатировал Р. Ю. Виппер, — всегда была в ранге науки, признававшей и наблюдавшей закономерность"⁶.

Такие же утверждения мы находим и у Н. И. Кареева. "В истории, — утверждал ученый, — как и в природе, господствует закономерность"⁷. У Кареева не было сомнений в существовании законов, управляющих историческими явлениями. Но возникает другой вопрос: принадлежат ли эти законы самой истории? Этот вопрос стал "камнем преткновения" для многих русских и западноевропейских историков конца XIX — начала XX века. Кареев, например, категорически отрицал существование специфических исторических законов. Дело в том, что идея закономерности переносится в историю из естествознания. На этом же, в частности, настаивал и П. Н. Миллюков: "*Понятия закономерности и эволюции должны быть распространены из области естественных наук в область наук гуманитарных*"⁸. Идея закономерности исторического процесса принадлежит, по мнению обоих историков, к "неистребимой потребности человеческого духа", а все современные попытки воскресить эту идею всегонавсего приводят ее в "научную систему"⁹. Идея закономерности, по-позитивистски трансплантированная из естественных дисциплин, доказавших свой научный статус и оправдавших свою практическую ценность, сама приводится в "научную систему" высшей из наук — социологией. Однако даже в исторических фактах историческая закономерность не столь очевидна. Не случайно уже в первом издании своих "Очерков по истории русской культуры" Миллюков признавался: "Мы принимаем закономерность исторических явлений совершенно независимо от того, может ли история открыть нам эти искомые законы. Если бы даже нам никогда не суждено было открыть ни одного исторического закона, мы, по необходимости, должны были бы все-таки предполагать их существование..... признать историческую

закономерность несравненно легче, чем открыть законы истории"¹⁰. Историческая закономерность не данность, а идея, которой руководствуется ученый, ставший на социологическую точку зрения в исторической науке. В переходе на нее Миллюков, как и многие другие представители академической философии истории, видел дальнейшее движение русской историографии, ее новый этап. "Новый период в развитии русской исторической мысли, — отмечал он в своем историографическом курсе, — начинается тогда, когда исходною точкою всех исторических рассуждений становится идея исторической закономерности"¹¹.

Однако трудность определения исторической закономерности так и не была преодолена. Приходится констатировать, что проблема исторической закономерности, сформулированная в университетской философии истории, не получила разрешения в рамках философии истории. Она, по существу, была вынесена в область и компетенцию других наук. В конце концов, идея исторической закономерности была заменена теорией многофакторности исторического развития. Каждый такой фактор в отдельности стоит уже вне истории и объясняется своим законом, который и может быть опосредованно признан в качестве закона истории. Нет единого закона истории, но существует множество законов частных неисторических областей. Эти рассуждения осложнялись часто маловразумительными разведениями понятий исторической закономерности и законосообразности, исторической необходимости и причинности. В академической традиции философии истории историческая необходимость по большей части сводится к мотивации действий исторических лиц, а потому подлежит ведению психологии, и к историческим условиям, распадающимся на условия среды, расы и культуры, которые анализируются уже социологией. Тем самым была во многом утрачена та целостность восприятия мировой истории, которая являлась характерной чертой *неакадемической историософии*.

¹ См.: *Зеньковский В. В.* История русской философии. Харьков; М., 2001. С. 195–200.

² См.: *Франк С. Л.* Русское мировоззрение // Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 478–485.

³ См.: *Эрн В. Ф.* Нечто о Логосе, русской философии и научности // Соч. М., 1991. С. 71–108; *Лосев А. Ф.* Русская философия // Русская философия / А. И. Введенский, А. Ф. Лосев, Э. Л. Радлов, Г. Г. Шпет. Свердловск, 1991. С. 67–95.

⁴ См.: *Полторацкий Н. П.* Россия и революция. Русская религиозно-философская мысль XX века. Тензифлю, 1988. С. 14.

⁵ *Лучицкий И. В.* Отношение истории к науке об обществе // Знание:

Ежемесячный научный и критико-библиографический журнал. 1875 (год пятый). СПб., 1875. № 1. Январь. С. 5.

⁶ Виппер Р. Ю. Очерки теории исторического познания. М., 1911. С. 14.

⁷ Кареев Н. И. Историология (Теория исторического процесса) // Социология истории Николая Кареева. СПб., 2000. С. 33.

⁸ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. 1. С. 40.

⁹ Там же. С. 42.

¹⁰ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1896. Т. 1. С. 8.

¹¹ Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1897. С. 201.

В. С. Диев

ВЕКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАЧАЛА КООРДИНАТ

Наиболее яркими чертами, характеризующими современный мир, определяющими лицо и динамику современности, являются движение по всему миру гигантских потоков капиталов, товаров, людей и – что особенно заметно – беспрецедентно интенсивный обмен информацией. Для собирательного обозначения всех этих процессов экономисты, социологи, философы и политологи применяют понятие “глобализация”, наполняемое различным содержанием в зависимости от целей и представлений того или иного исследователя. Термин “глобализация” используется для определения широкого круга явлений и не опирается на какую-то общепринятую экономическую, политологическую или социологическую теорию. Необходимо отметить, что пока не существует устоявшегося определения этого феномена. В литературе, посвященной проблемам глобализации, чаще всего встречаются определения, принадлежащие Р. Робертсону, У. Бекку, Э. Гидденсу, Г. Терборну, М. Г. Делягину, В. Л. Иноземцеву. Немаловажно, что работы, посвященные анализу процессов глобализации, зачастую весьма идеологизированы. Поэтому существуют серьезные, а порой просто непримиримые расхождения в трактовке и оценках этих процессов исследователями, стоящими на различных теоретических и идеологических позициях¹.

В многочисленных публикациях, посвященных глобализации, отсутствует единая точка зрения о времени начала этих процес-